

В начале этой недели в Риге по приглашению Латвийского отделения бюро пропаганды советской литературы гостили московские поэты Белла Ахмадулина и Павел Антокольский.

Творческие вечера больших мастеров советской поэзии стали событием в культурной жизни республики.

По сложившейся традиции «Советская молодежь» знакомила своих читателей с новыми стихами Б. Ахмадулиной (они публикуются впервые) и предлагает вниманию интервью с Павлом Григорьевичем Антокольским.

— Павел Григорьевич, расскажите читателям «Советской молодежи», как начинался ваш творческий путь.
— Вы спрашиваете, как начинался мой творческий путь? Вы спрашиваете про какие-то доисторические времена. Стыдно сказать, сколько лет тому назад это было. Не меньше 55, а может быть и больше.

Что касается меня, то стихи я начал писать, наверно, лет с шестнадцати. Тогда же я начал играть и в спектаклях. Вернее, пытался играть я еще в младших классах гимназии: играл Принца в «Спящей красавице», Царя Берендея в «Снегурочке», играл Перикла в пьесе из времен афинской демократии. Помню, среди действующих лиц, кроме Перикла, был Сократ. Кстати, любовницу Перикла играла моя сестра. Это было смешно и интересно.

А вообще, личная свой путь, я не знал, кем я буду. Передо мной, как перед богатырем (хотя я далеко не богатырь), было три пути: пойдешь далеко — коня потеряешь, пойдешь направо — сам погибнешь, пойдешь прямо — так неизвестно вообще, что будет.

Сознаюсь, больше всего меня привлекал театр: Гамлет, Скупой рыцарь, Марк Антоний, Юлий Цезарь, Брут, Отелло. ...Я думал только о трагедии. Трагедия и, конечно, Пушкин, Лермонтов. Их я шпарил наизусть, сколько мог. Это и сейчас не прошло.

— Живописью вы тогда тоже занимались?

— Да, конечно. Изобразительное искусство влекло меня всегда. Хотя, кроме карандаша, акварели и сангины, в те вре-

мена я не пытался ничем работать. Сейчас, на старости лет, я перешел на гуашь. Когда был мой вечер в Центральном Доме литераторов, была устроена большая выставка моих картин, они заняли все огромный вестибюль. Но все они написаны уже в шестидесятых годах. Там и картины, и гуашь, и подкрашенные аппликации.

— Павел Григорьевич, расскажите подробнее, как это случилось, что вы попали в театр?

— Как это случилось, что я попал в театр? Будучи студентом II курса Московского университета, я прочел объявление: «Открыта драматическая студенческая студия под руководством артистов Художественного театра». На меня это объявление подействовало, как на собаку кусок колбасы на носу. Мне только нужно было сказать: «Пиль!» и я мгновенно застыл. Через какое-то время я пошел в эту студию. Это был двухэтажный деревянный оштукатуренный дом в Мансуровском переулке. Я поднялся по лестнице и вскоре очутился в комнате, обитой серой дерюгой, где вдоль стен были расставлены длинные скамьи. На них сидели мрачные, взволнованные, ожидающие вызова фигуры. Они ждали, когда их позовут на пробу. Первый, кого я увидел, войдя, был человек, безусловно, изящный, артистического, несколько южного типа. В нем чувствовался Кавказ. А с другой стороны, ему подошла бы не барашковая шапка, не кинжал за поясом, не газыри, а плащ и гитара под полой, шляпа с пером. Потому что это

был артист с головы до пят. Был он горбонос и смугл. Добротный, с мягкими складками сверхмодный пиджак очень хорошо сидел на нем. Он был при ярком галстуке. И звали его Евгением Багратионовичем Вахтанговичем. На долгие годы он стал моим

да запрудят воду в одном направлении, она начинает литься по другому руслу. Вот и из меня тогда стали извергаться, как из помпы, стихи. Я их писал каждый день в невероятном количестве. И первым делом обращался я в них, конечно, к той или другой своей любви. Я

ПУТЬ ПОЭТА

кумиром. Он очень быстро принял меня в студию. На пробе я читал: «Я вас любил, любовь еще, быть может...» и что-то еще из Пушкина. Потом мне на подмогу была вызвана юная студийка, и нам было предложено сыграть этуод: мы встречаемся на балу, ходим и разговариваем. С моей точки зрения, дело у нас не склеилось, потому что я был очень зажат и непомерно сконфужен. Но в студию, как я уже сказал, меня приняли.

Должен с самого начала честно сознаться: актера из меня никакого выйти не могло. И Евгений Багратионович очень скоро понял это.

Как это всегда бывает, ког-

твердо стоял на этой теме и ни о чем другом писать не мог. Шли годы. Пришел Великий Октябрь. Пришла другая жизнь. Пришла другая тема.

Маленькая студия в Мансуровском переулке стала театром народа, где мы играли для красноармейцев. Мальчишки въезжали туда прямо на коньках и, стуча коньками, входили в зал, ложились на пол перед первым рядом и глазели. Это были самые главные болельщики нашего театра. Играли «Чудо святого Антония», «Погоп», короче говоря, тот репертур, который был тогда у студии. Я там играл кое-какие маленькие роли,

но жизнь моя была все-таки в другом. Я сейчас думаю, в чем же она была? И мне сразу вспоминается Юрий Александрович Завадский, дружба с которым сохранилась у меня и по сей день. Знакомы мы были с 1913 года, а подружились в том 15-м году, когда я привел его в Мансуровскую студию к Вахтангову.

— Скажите, Павел Григорьевич, а когда вы начали писать свои пьесы?

— Это счастливое совпадение. Как раз в это время я и начал писать свои пьесы, а Юрий Завадский — их ставить. Это были маленькие романтические пьесы. В них чувствовались и Блок, и Карло Гоцци, и весь немецкий романтизм. Как я сейчас понимаю, они вообще никогда не годились. Мы опоздали с этими пьесами. Мы опоздали на целую эпоху. И когда в 18-м году появилась моя пьеса «Обручение во сне», где Кота венчали с Циркачкой, никто ничего не понял. Я говорю о своих ранних годах. А о поэзии мне вообще ничего прибавить. Поэзия наша, советская, русская, была в первые годы своего бытия поэзией устной, произносимой вслух. Я вам честно скажу: я считаю, что именно с этого поэзия и должна начинаться. Она должна начинаться с ашугов, с акынов, с рапсодов, с труверов, с менестрелей, с миннезингеров.

— Павел Григорьевич, расскажите читателям нашей газеты о ваших литературных друзьях тех дней.

— Поэзия — как будто искусство одинокое. А между тем для каждого поэта все-таки нужна питательная среда, нужны друзья, нужны единомышленники. И в юности их более или менее находить безшибочно. Помогает ли тут господь бог, судьба, историческая необходимость или случайность, я в этом разбираться не буду, но, словом, это так происходит. И своих литературных единомышленников я нашел впервые в 23-м году, то есть спустя целый год после того как вышла моя книжка в Гослитиздате. Нашел я их в Петрограде среди «Серapiоновых братьев». Лев Луиц, Евгений Шварц, ныне здравствующий Вениамин Каверин и многие, многие другие. И, наконец, был поэт Тихонов, с которым я

подружился, как и с Каверинным, с первой же встречи. Эта дружба продолжалась в течение многих лет. Она и до сих пор не иссякла. Говорить про этих писателей подробнее я не считаю нужным. Они всем хорошо известны.

Следующий, кого я хочу назвать (он тоже всем хорошо известен) — это поэт Эдуард Багрицкий. Не помню как произошло наше первое знакомство, но в какой-то осенний или предосенний вечер он ввалился ко мне, тяжело дыша от астмы, и сказал: «Говорят, вы написали интересную поэму про Робеспьера». Потом он остался ночевать, читал очень много стихов. Я воспользовался случаем и привел своих друзей-вахтанговцев тоже к этому столу. И Багрицкий без конца читал свои стихи о молодости, о контрабандистах, и это было прелестно!

Утром мы вышли. Он очень страдал одышкой, и я понес его кожаный портфель-рундух, набитый доверху чужими рукописями.

Так и пошла наша дружба. Я бывал у него часто и почти всегда видел его сидящим по-турецки на тахте, а вокруг него валялось необыкновенное количество перечеркнутых и перемаранных черновиков. Он писал тогда свои последние стихи из книги «Победители»: «Смерть пионерки», «Человек предместья». «Последняя ночь» — о последней ночи перед первой мировой войной. С моей точки зрения, это одно из самых замечательных его произведений. Есть и другая гениальная вещь — это поэма «Февраль», которая была опубликована после его смерти.

Потом приходили новые дружки. Где-то в 24-м году кто-то из товарищей привел ко мне статного красавца в красной косоворотке. Это был поэт Владимир Луговской. Он был моложе меня на пять лет. С этого момента можно начать отчисление моей дружбы с молодежью.

Володи Луговского уже нет. Царство ему небесное! Это был очень хороший и верный друг, и мы с ним шагали не совсем плечом к плечу, ведь я намного ниже его ростом, но во всяком случае, рука в руке.

Фото Ю. КРИВИНЯ.

